

24. ДЕШЕВЫЕ ОЗАРИЧИ

Ни словом, ни жестом не смея перебить, слушаю горестный рассказ Людмилы Дмитриевны Костки из деревни Мышковичи Кировского района:

«Нас было: бабушка, мама и четыре мои сестрички. Выгнали нас из хаты на мороз. Идите, бандиты, подыхать.

Наш отец помогал партизанам. Они ему сказали: будь дома, твоя помощь — смотреть, что делают немцы. Ночью партизаны приходили, отец в сарае рассказывал им про немцев, про полицаяев. Потом сказали: к тебе ходить уже опасно, иди в лес, бери сына. Они пошли в партизаны, отец и брат. А нас немцы погнали в полесское болото.

Гнали много народу — всех, кто родня партизанам. Много людей пропало по дороге. Зима, холод, голод — люди идут и мрут.

Мы все дошли. Один одного несли — и дошли.

Загнали нас в болото. Загородили колючей проволокой. Оставили под открытым небом...

Первой померла наша бабушка. Она ничего не ела. Дадут нам раз в день похлебки, бабушка не хочет. Ешьте вы, внучки, я пожила, а вы нет. И померла... За бабушкой — сестричка...

Не хватало снега засыпать людей. В землю не закопаешь, мерзлая, нет сил копать. Мы по жменьке собирали снег, чтобы засыпать своих. Кончился в лагере снег, белый, красный и черный. Лезли за ним за проволоку, а нельзя. Немец заметит, стреляет... Кто лазил за снегом — всех побили.

Дожили мы до марта. Ночью мороз, днем тает. Мы в воде. Лагерь — сплошная вода. Тут сидит человек, там сидит. Кто на кочке, кто на пеньке, кто на покойнике.

Немцев уже не видно. Наступают красные, немцы убежали. Поставили вокруг мины, бросили нас в болоте. А наши стреляют. Мы слышим, что это наши. Стреляют с той стороны, где восходит солнце. Снаряды падают в лагерь. Одного человека убило, второго... Побьют последних людей. Люди, давайте кричать, чтобы перестали стрелять. Ветер в ту сторону. Может, услышат.

Те люди сидят в воде, одубели, не могут кричать по-человечески. Мычат, ей-богу, те людцы.

У меня был звонкий голос, я до войны пела в хоре. И сестрички пели, и мама. Наша мама говорит: «Хором, дочки, надо кричать. Давайте крикнем — и люди крикнут вместе с нами».

Начали кричать хором. Повставали — и кричим солнцу: «Мы — свои! Мы — свои! Мы — свои!»

Снаряды перестали падать на нас.

Люди посели в болото. Накричались — сила кончилась. Сидим и видим: идут три наших солдата. Со звездочками.

Радоваться люди уже не могут. А надо идти из болота. Солдаты говорят: мы разминировали дорожечку, идите за нами, как гуси.

Мы пошли, первая мама, мы за ней. Люди шли след в след.

Вышли из болота. Пришли в сосновый лес. Никто не ступил в сторону, хотелось жить. За лесом была полянка, сухая, как печка. Солдат сказал, что мины кончились. Мы попадали на землю...

Потом приехали подводы, нас повезли, как покойников. Везут нас, мы бесчувственные.

Привезли нас в Смоленск. Поселили в школе, по сорок человек в классе. Есть давали чуть-чуть, после голода много нельзя. Люди стали оживать. Покушают -- и в плач. Плачут по своим, у каждого в болоте остались свои. Вся школа воет.

Наша мама плачет-плачет, мы плачем, ничего не слышим, только люди воют. Вдруг мама трясет меня: «Людка! Людка!» -- «Что, мама?» -- «Пой! У тебя -- голос».

Я вот так вдохнула -- о-о-ох! -- и запела «Катюшу». Пою и слышу: сестрички мне подпевают, мама.

Запела наша семья -- и слышу: не сбиваемся! Слышу: подпевают женщины. Весь класс поет. Вся школа.

Наша мама -- молодец! Она пожила много, а волосы у нее были черные-черные, и зубы -- все зубочки белеют. Она была сильная. Сколько вынесла в том болоте, похоронила мать, дочку, не знает, где муж, где сын, а заставляет меня: пой! Она хотела, чтобы люди были людьми, чтобы пели, а не выли.

После того мы пели часто. Мы запевали, люди подхватывали. Когда люди поют, им хочется жить. Нас все полюбили.

Одна старушка смоленская подарила нам три курицы и петуха. Это -- когда нас отправляли домой. Бабка говорит: вы голосистые и петух мой голосистый.

С тем петухом было смеха! Ни у кого -- нет. Мы с петухом самые герои. Поезд едет, петух поет. Люди говорили: сходим в вагон, где петух едет. Набьется к нам народу, а петух, как артист: ку-ка-ре-ку! Во все горло.

Из Бобруйска в свои Глыбоковичи мы шли пешком. Мама, я, младшая сестра. Втроем. Старшую сестру из Бобруйска отправили за коровами. В Бобруйске маму позвал какой-то начальник: от вашей семьи нужен один человек на военное задание -- пригнать в район коров из Западной Белоруссии. Мама послала старшую дочку: нам люди помогли, и мы поможем, с коровой человек быстро оживет.

Пришли мы в свою деревню. Одни печи холодные стоят. Наши Глыбоковичи немцы разобрали на дорогу, хатами мостили дорогу. Мы стали на хатнице и плачем? Где жить? Втроем стали и плачем, слезы сами текут... Петух наш как закукарекает в корзинке! И слезы кончились. Мама говорит: будем делать землянку, дочки.

Больше мы не плакали. С нас лились не слезы, а лился пот с кровью. Мне было четырнадцать лет, худенькая, меня ветер гнул, а я несу с мамой бревно. Мы

выкапывали из дороги хаты и делали из этих поломанных бревен землянку. День так копаем, носим. Где та сила нашлась? Ночевать идем в Мышковичи.

Наша мама родом из Мышковичей, в Глыбоковичи она вышла замуж. Мышковичи в войну уцелели, там у нас были родственники. У них мы ночевали. Я и сестра. Как свечерееет, мама нас прогоняет: идите туда, поспите, поешьте тепленького. Родственники наши хорошие, нас приютили, кормили. Мы шли двенадцать километров в Мышковичи, мама оставалась строить землянку.

Вселились мы в новую землянку, а тут на нашем дворе еще радость: сестра привела телушку. Коров они пригнали из Западной Белоруссии в сохранности, сестре в награду дали телушку. Мама говорит: дочки, надо строить сарай.

Мама как получила похоронку на сына, стала как железная. И когда только она спала? Рано утречком петух нас побудит, глядь — мамы в землянке нет. Копают огород. Нам хочется поспать, но не можем: мама копает, нам совестно спать. Ничего одна одной не говорим, встаем, обуваем солдатские сапоги, надеваем платя из немецкой палатки, идем к маме на огород. Мама глянет, как мы идем, три сестры заспанные, все в одинаковое одетые, глянет, губы у нее задрожат: «Потерпите, мои золотые, пока придет отец».

Отец не дошел до конца войны один день. Погиб 8 мая.

До войны было нас восемь душ, осталось четыре».

«Открытое письмо председателю Белорусского республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение» и послу Германии в Республике Беларусь.

Наше обращение в Ваш адрес — это вынужденная мера, направленная на защиту наших прав, нашей чести и человеческого достоинства, попранных решением фонда «Взаимопонимание и примирение» (председатель Герасимов В.Я.). Концлагерь смерти «Озаричи», узниками которого мы являлись, -- один из жесточайших концлагерей в мире, где было применено бактериологическое оружие против мирного гражданского населения. Упомянутый фонд не включил концлагерь «Озаричи» в список концлагерей, представленный на утверждение немецкому фонду «Память, ответственность и будущее». Таким образом незаконно изменил статус пострадавших, лишил их права на получение компенсации по категории А1 в сумме 15.000 немецких марок в соответствии с тяжестью и последствиями совершенного в отношении узников преступления фашистов.

19 марта 1944 года наступающие части Красной Армии обнаружили в районе местечка Озаричи Полесской области три концентрационных лагеря, в которых находились свыше 33.000 человек. Это были женщины, дети и старики. Концлагерь «Озаричи» представлял собой открытую болотистую площадь, обнесенную в два ряда колючей проволокой, без каких-либо построек, с заминированными подступами и охранными вышками. Туда было согнано фашистами более 50.000 человек мирного населения с Полесской, Гомельской, Могилевской областей. В лагерь гитлеровцы завезли около 7000 больных тифом из больниц и ближайших деревень.

Запрещалось разводить костры, собирать хворост для подстила. Эпидемия тифа распространилась молниеносно. Люди пытались найти воду среди трупов и

грязи. Ежедневно умирали тысячи. Это была настоящая фабрика смерти, хотя и не было крематориев. Даже в Бухенвальде, Освенциме, Дахау люди, обреченные на смерть, имели крышу над головой и каждый день хоть какую-то похлебку.

Наступающей Красной Армией было спасено 33.480 узников концлагеря «Озаричи». Неслыханное злодеяние всколыхнуло всю страну. Постановлениями Правительства республики для освобожденных были созданы карантинные зоны, развернуто 25 военных госпиталей трех армий...

И если в озаричских болотах фашисты не успели уничтожить нас физически, то сейчас чиновники стараются уничтожить морально. Игнорируя документы (акты Чрезвычайных комиссий СССР, материалы Госархивов РБ и РФ, решения Нюрнбергского трибунала, постановления белорусского правительства, приказы военных начальников, данные энциклопедий), руководствуясь своими критериями, белорусский фонд «Взаимопонимание и примирение» убрал слово «концентрационный» и присвоил статус -- просто «лагерь «Озаричи», отнес нас к подкатегории С1 с выплатой 5000 немецких марок.

Научно-квалификационная комиссия Госархива РБ решением № 5-8/306 от 11.07.95 г. определила статус концлагерю «Озаричи» -- «специальный лагерь смерти (уничтожения) на переднем крае немецкой обороны». Лагеря уничтожения «Бронная Гора» и «Колдычево» включены в список концлагерей с категорией А1 и выплатой 15.000 немецких марок. Так в чем же различие между ними, если все три лагеря уничтожения?

На наш запрос в Германский Бундестаг, а также немецкий фонд мы получили ответ, что в списках концлагерей, представленном белорусским фондом, нет концлагеря «Озаричи». Нам также сообщили из Германии, что немецким фондом белорусскому фонду доверено определять статус мест принудительного содержания людей и что такого доверия не получила ни одна страна, кроме Беларуси. А тем временем руководитель фонда Герасимов В.Я. отвечает нам, что понимает тяжесть содеянного по отношению к узникам и «добивается» изменения категории концлагерю «Озаричи».

В Гомельской области осталось в живых 4000 узников концлагеря «Озаричи» (в стране их 15000 -- **А.К.**). 17 марта 2003 года Министерство юстиции зарегистрировало Гомельское областное благотворительное общественное объединение бывших несовершеннолетних узников специального лагеря уничтожения «Озаричи» с целью помощи больным и немощным.

Защитите нас, старых и больных людей. Мы прошли через невероятные испытания. Работать отказываются все органы, мы стали инвалидами. Но больше всего нас беспокоит то, что с нами поступили несправедливо, оскорбив и живых, и мертвых.

Мы надеемся, что несправедливое решение будет пересмотрено, и специальный лагерь смерти «Озаричи» займет свое законное место в категории А1.

Письмо одобрено общим собранием узников от 24. 02. 2004 г., присутствовало 142 человека».

Мне показалось, что председатель Белорусского республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение» Валентин Яковлевич Герасимов не подходит к нарисованному узниками образу чиновника-злодея. Я разговаривал с ним несколько раз, чтобы убедиться: Герасимов — скорее рефлексивная личность, нежели авторитарная. Это чиновник, который с сожалением вынужден принимать жесткие решения. Из наших бесед я сконструировал диалог, передающий суть непростой международной нравственно-правовой проблемы.

--Правление немецкого фонда «Память, ответственность и будущее» проводит компенсационные выплаты за рабский и принудительный труд бывшим узникам фашизма, -- сказал Герасимов. -- Наш фонд -- исполнитель. Мы платим по законам ФРГ. Кто платит, тот заказывает музыку. Немцы закрепились юридической поддержкой, диктуют нам свои условия.

--Вы сообщили германской стороне о жалобе узников лагеря «Озаричи», убежденных, что их мучения оценены дешево?

--Сообщил. У меня с немцами были острые дискуссии на эту тему. Я отстаивал точку зрения узников. Но немцев белорусским менталитетом не прошибешь. Они твердят одно: все решает закон.

--Каков главный их постулат об «Озаричах»?

--В лагере «Озаричи» не было принудительного труда. Значит, его нельзя отнести к категории А1.

--Принудительного труда не было, а намеренное заражение тифом? А нечеловеческие страдания? А тысячи смертей? Все это немцы не оплачивают?

--Вы тоже исповедуете белорусский менталитет, -- вздохнул Герасимов.

--Но я не могу переметнуться на менталитет немецкий, потому что я -- белорус. Ответьте, Валентин Яковлевич, на мой белорусский вопрос: страдания и горе узников концентрационного лагеря уничтожения «Озаричи» оценены немцами невысоко потому, что страдания и горе для них нематериальные категории? Не было принудительного труда — не положена и компенсация?

--Немцы не переведут «Озаричи» в категорию А1! -- Герасимов жестко отбил мой белорусский вопрос, и в его жесткости я почувствовал знание, мне пока недоступное. Видимо, законопослушные, расчетливые, рациональные немцы сломали в нем белоруса, вечно уповающего на Бога, на милость, на авось, но только не на закон. А коль так, то немцы через 60 лет все-таки взяли реванш за поражение в 1945-ом. Валентин Яковлевич, но победители-то -- мы! Они, а не мы сделали хенде хох. Неужели мы сейчас поднимем руки вверх? Не поддержим престарелых узников лагеря «Озаричи», которые уходят один за другим, унося обиду на вас лично и непощение немцам? Я подготавливаю статью...

--Пользы от вашей статьи не будет, -- остудил мой публицистический пафос Герасимов. -- Наоборот, вы принесете вред. Немцы раздражены многочисленными жалобами. Если сейчас к ним резко отнестись, они обидятся. Обрубят многие концы. Например, закроют аптеку фонда, где узники бесплатно получают гуманитарные лекарства. Мы живем по законам ФРГ, а не нашим.

--Все законы принимают люди, они же законы и отменяют, уточняют, изменяют. Немцы -- что, не люди? Не способны уразуметь, что их закон не может учесть нюансы белорусской действительности?

--Закон есть закон, -- кратко ответил Герасимов, ставший от общения с немцами педантичным.

--Я все же выступаю в газете, немцев надо вернуть в русло гуманности, а то они застряли в своем формализме. Наши люди им этого не простят. В результате никогда не настанет взаимопонимание и согласие.

--Еще раз хотите лягнуть фашизм? -- иронично спросил Герасимов. -- Зачем? Если выступите в газете, я напишу опровержение. Расскажу, как немцы нам помогают. Суммы компенсации белорусам намного выше, чем в других странах. Скажем, поляки получают меньше. К марту 2005 года мы планируем завершить выплаты всем бывшим узникам. Разве это не благородно со стороны немцев? Ваша статья может помешать.

--Хорошо, я учту вашу позицию, Валентин Яковлевич. Чтобы не навредить, выступить в газете не буду. К сожалению...

--Да, к сожалению, -- впервые поддержал меня Герасимов. -- Но что поделаешь...

Несколько месяцев я жил по немецкому закону, подчинившись мудрости Герасимова, замалчивая обиду несчастных, больных, нищих узников концентрационного лагеря смерти «Озаричи».

За это время молодой журналист Николай Козлович (как не трудно догадаться, мой сын) рассказал в «Народной воле» историю о том, как две сестры Гузовы, Татьяна и Мария, уроженки деревни Головичи Дрибинского района, в 1943 году насильственно вывезенные немцами в концентрационный лагерь Лесная под Барановичами, добиваются выплаты немецкой компенсации. Старушки, как и многие односельчане, не знали, что за их Отечественную войну им хотят заплатить. А когда узнали, получили отказ: вы опоздали, ваша просьба нарушает федеральный закон. Приведу характерные пассажи из письма Хольгера Крэмера, Первого секретаря, референта по вопросам права, прессы и политики Посольства Германии в Беларуси (KR/LU от 13.01.2004 г.):

«Уважаемая госпожа Гузова, господин Посол поручил мне ответить на Ваше письмо, которое я прочел с большим вниманием и сочувствием... Судя по содержанию Вашего письма, Вы не подали документы в Белорусский республиканский фонд «Взаимопонимание и примирение» в указанные сроки... Прием заявлений завершен 31.12.2001 г. Мне остается только сожалеть о том, что несмотря на десятки статей в газетах «Советская Белоруссия», «Республика», «Звезда» и др., в которых Белорусский фонд на протяжении многих лет информировал граждан Республики Беларусь о порядке подачи документов и получения денежных компенсаций за принудительный труд, эта информация не была Вами услышана. В настоящее время я не вижу возможности исправить положение, т.к. для отдельных граждан не может быть изменен закон, являющийся итогом продолжительных международных переговоров».

Куда же старушки опоздали, если они еще живы и, согласно тому же закону ФРГ, имеют право на получение компенсации? В чем суть и цель правового государства, если в буквализме тонут права человека?

В ответ на статью Николая Козловича господин Кремер опубликовал в «Народной воле» высокомерный комментарий под заголовком «Все вопросы регулирует закон». Кроме шаблонного резюме, дипломат указал журналисту на «поверхностное, легкомысленное и одностороннее освещение проблемы».

Готовя эту хронику, я посчитал излишним встречаться с господином Кремером, полагающим, что белорусский журналист должен встать на сторону федерального закона, а не на сторону сестер Гузовых, подростками натерпевшихся в войну от немцев. Аналогичного добивается от меня господин Герасимов -- плясать с ним на пару под дудку тех, кто заказывает музыку.

Доколе же белорусы будут подчиняться чужой музыке? Мы наслушались ее в 1941-1945 годах в исполнении на губной гармошке в наших оккупированных селах и городах. В генной памяти белорусов запечатались бравурные гитлеровские марши во время церемониальных вешаний партизан и подпольщиков.

Мой отец Николай Михайлович, оstarбайтер 1942-1945 годов, рассказывал мне, что хозяин-помещик любил играть работникам гитлеровские марши вместо будильника. Моя мать Мария Ивановна, оstarбайтер 1942-1945 годов, не могла забыть, как немецкие полицейские били их, девчат-полонянок, за то, что не вышли на работу, протестуя против скотского отношения. Когда их били, они кричали и плакали. Хозяйка демонстративно, на полную мощность включила в доме радио, откуда звучали немецкие ритмы.

Мои родители опоздали безнадежно. Они рано умерли, не дождались и первой волны компенсации в девяностых годах. В Германии Николай и Мария оставили самое ценное -- здоровье. Они не привезли из Германии ненависти к немцам, внедряли в свой крестьянский быт немецкую культуру, о чем я рассказал в хронике «Немцы». И при всем при этом я ни разу не слышал от родителей, что они простили бывшим работодателям.

Не могу представить, что отец и мать получают немецкую компенсацию за свою преждевременную смерть, за слабое здоровье своих детей (мой младший брат умер в сорок пять лет).

Не спрашивал у Людмилы Дмитриевны Костки, получила ли она «фонду» (так в некоторых деревнях бабушки называют компенсацию). Страшно тревожить ее ассоциации: разноцветные купюры напомнят ей белый, красный и черный снег, которым в озаричском болоте она засыпала бабушку и сестричку. Через шестьдесят лет тот бесценный снег ее принудили воспринимать как слишком дешевый.

Только бюрократы могли изобрести, узаконить некорректный в конкретной исторической ситуации термин — КОМПЕНСАЦИЯ -- и требовать от жертв национал-социализма в обмен на деньги подписать соглашение, что те больше не имеют претензий к Германии. Компенсация -- это возмещение чего-либо. Что же возмещают немцы белорусам? Ничего! Горе, боль, ужас, смерть -- невозместимы, ибо не поддаются измерению.

Мы их победили, но они взяли реванш, победив нас с помощью юридической казуистики, унизив хваленым педантизмом. Сей педантизм приобрел бы гуманную сущность в том случае, если бы немцы скрупулезно, дотошно, повинуюсь национальному менталитету, учли-разыскали всех до единого, кого шестьдесят лет назад, мягко говоря, обидели. И если вдруг в глухой белорусской деревушке нашлась еще одна бабушка, не читающая газет и потому не слышавшая о компенсации, так этому надо радоваться, а не раздражаться. Прекрасно, что нашлась еще одна душа, которая улетит в вечность умиротворенной.

Знаю, мою хронику будут изучать в немецком посольстве с острым карандашом в руках. Прошу вас заранее, господа: когда будете сочинять ответ, не отсылайте меня к закону ФРГ. Это все равно как послать меня к черту. Я понимаю, что вы должны неукоснительно соблюдать ваш закон. Но прислушайтесь к настроению белорусского общества. Давайте совместно творить божеское. Не делить жертвы на категории, не взвешивать денежной единицей меру их мучений, а заботиться о том, чтобы никого не упустить. Почему бы не продлить срок подачи заявлений на МАТЕРИАЛЬНУЮ ПОМОЩЬ (не компенсацию!) лет на двадцать? Так ли уж сложно закрепить это законодательной поправкой?

Нравственной цели, уверен, немецкий закон не противостоит. Просто бюрократия Германии родила документ, не вместивший всей глубины и моральности покаяния немецкого общества. Их бюрократия похожа на нашу бюрократию, неумными законами препятствующую широкому потоку гуманитарной помощи немецкого народа белорусскому народу. Государство любой страны ограниченнее общества.

Немецкий фонд придумал себе хорошее название: «Память, ответственность и будущее». Слава Богу, я имею право на память, которая не противоречит закону ФРГ. Я не испытываю к немцам ненависти, ибо не получил ее в наследство от родителей. Однако я как росток своего народа с тревогой чувствую, что война не завершилась в 1945-ом.

Брошенные родной властью, приструненные чужим законом, белорусы на сей раз воюют не за Отечество, а за подавание бывших врагов, побежденных 60 лет назад. В последний и решительный бой идут старики: узники лагеря «Озаричи», заключенные лагерей для военнопленных, недогоревшие жертвы уничтоженных заживо деревень, беженцы, страдальцы гетто, малолетние узники, вдовы, сироты, калеки...

Война за немецкие компенсации -- это безоглядное самоунижение белорусской нации. Подобного не знает история ни одного народа. Из самоунижения не произрастает чувство гордости, а выползает червь собственной неполноценности.

2004